

ОБ ОТХОДНИЧЕСТВЕ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. К. Белова

Накануне революции 1905—1911 гг. Иран представлял собой отсталую, аграрную полуколонию. Мировое развитие капитализма захватило Иран, но все-таки в меньшей степени, чем такую полуколонию, как Китай, или такую колонию, как Индия. Несмотря на отсталость капиталистического развития и на слабость буржуазно-национального движения в Иране по сравнению с другими, более развитыми странами Востока, влияние русской революции 1905 г. сказало здесь раньше всего.

Исключительно большое влияние русской революции 1905—1907 гг. на Иран объясняется среди других причин тем, что он был теснее других стран Востока связан с Россией и испытывал непосредственное воздействие российского революционного движения. Это воздействие осуществлялось, в частности, через отходников, уходивших на заработки в Россию.

Изучение отходничества представляет научный интерес как для исследования вопроса о влиянии революционного движения в России на иранское революционное движение, так и для анализа положения трудящихся Ирана. Факты массового отходничества из Северо-Западного Ирана в Россию отмечали в своих работах, вышедших в конце XIX — начале XX в., Л. К. Артамонов, Л. Ф. Тигранов, В. Ф. Минорский, Л. С. Соболицкий, Н. Бобынин и др. В советской литературе вопрос об отходничестве не являлся еще предметом специального исследования.

Массовый уход населения Северо-Западного Ирана на заработки был обусловлен прежде всего социально-экономическим положением Ирана в конце XIX века. Превращение его в полуколонию империалистических держав резко ухудшило и без того тяжелое положение иранских трудящихся. Приспособление сельского хозяйства к спросу на внешнем рынке, проникновение торгово-ростовщического капитала в деревню и рост товарности крестьянского хозяйства привели к значительному усилению эксплуатации народных масс. Аграрные отношения в Иране к началу XX в. характеризова-

лись образованием крупных землевладений, сконцентрированных в руках небольшого числа крупных феодалов, богатых купцов, высшего духовенства и сановников, сдававших свою землю в мелкую и мельчайшую аренду на условиях издольщины массе обезземеленных крестьян, интенсификацией крестьянского труда. Огромная феодальная рента, многочисленные государственные налоги и поборы разоряли основную массу непосредственных производителей — крестьян-издольщиков. Измученная эксплуатацией, голодом и болезнями, деревенская беднота вынуждена была прибегать к частичной продаже своей рабочей силы и уходить из деревни на сезонные работы (на более или менее длительный срок — вплоть до нескольких лет).

Выталкивание рабочей силы из иранской деревни, разорение и экспроприация мелких производителей были, конечно, проявлением развития капитализма и условием его дальнейшего развития. Однако полуколониальная экономика Ирана, консервация феодальных отношений способствовали тому, что процесс разложения крестьянства шел главным образом по линии «непролетарского обнищания» масс. Иностраный капитал тормозил и уродовал развитие капиталистических отношений, начавших складываться в Иране в последней четверти прошлого столетия.

Местное промышленное производство находилось на самом низком уровне даже в начале XX века. В ковровом, шелковом и в других видах мелкого промышленного производства предприниматели использовали дешевый женский и детский труд. Невозможность найти заработок на родине толкала обнищавших крестьян и ремесленников на поиски его за границей, прежде всего в соседней России. Такому направлению отходничества способствовали большой спрос на рабочую силу в Закавказье, а также давнишние экономические связи между населением Иранского Азербайджана и Закавказья, их языковая общность. Еще в 1845 г. Гагемейстер писал, что в Закавказье приходили на заработки плотники и каменщики из Турции и Ирана и что они монополично выполняли работы по своей спе-

циальности¹. В 1858 г. на кавказском участке русско-иранской границы было выдано 4 852 паспорта лицам, уходившим на заработки в Тифлис, Елисаветполь, Шушу, Шемаху, Эривань и другие места Закавказья². Кроме того, российские пограничные комиссары доносили о постоянной переправе в Россию с иранского берега Аракса людей, не имевших паспортов³. По своему характеру это был капиталистический отход, поскольку выходцев из Ирана эксплуатировали в России как наемных рабочих.

Данные об отходничестве из Иранского Азербайджана с середины XIX в. могут послужить косвенным доказательством того, что товарно-денежные отношения были развиты здесь сильнее и капиталистические отношения начали развиваться раньше, чем в остальном Иране. Данных об отходничестве из других областей Ирана в это время нам обнаружить не удалось.

С 80-х годов, в связи с изменениями в экономике Закавказья: развитием капитализма, постройкой Закавказской железной дороги и т. п., — царские власти начали всячески поощрять приток отходников из-за границы. Еще в 1887 г. иранским подданным было разрешено свободное проживание в пограничных районах России сроком на полгода. Циркуляром главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 30 мая 1888 г. был указан ряд мест, куда иранские жители смежных с Россией округов могли беспрепятственно приезжать по своим паспортам, без консульской визы, на 6 месяцев. В следующем году иранским подданным, жителям северо-западных приграничных местностей, было дано право на въезд в Россию без консульской визы и без уплаты каких-либо сборов. Жители пограничных округов Иранского Азербайджана направлялись на Шахтагты, в Джульфу, Худоферин или какой-либо другой пограничный пункт, получали у иранских пограничных властей паспорта и с ними (а большей частью и без них) переходили в Россию. Этой льготой фактически пользовались также жители Хоя, Маранда, Сераба и других, не пограничных с Россией округов Иранского Азербайджана⁴.

В 1891 г. в Тебризе было выдано 26 855 паспортов, в 1900 г. — 16 627, в 1903 г. —

32 866, в 1904 г. во всем Иране — 71 407; из 59 121 паспорта, выданного только в Урмии и Тебризе, 54 846 получили чернорабочие⁵. Но паспорта выдавались и в Реште, Мешхеде и других городах. В консульских донесениях учтены только лица, уплатившие сбор для получения визы. Следует, однако, иметь в виду, что в большинстве своем из Ирана в Россию направлялись бедняки, приходившие за сотни километров пешком и переправлявшиеся через границу тайком, без пропускных свидетельств, за которые требовалась плата. «Персидскоподданный бедняк, ограбленный на родине своим правительством, часто неимевший гроша в кармане, при наступлении дня не уверен, что он достанет себе на пропитание, а при наступлении ночи не знает, где у него будет ночлег. Этот бедняк, перейдя границу (реку Аракс), идет к цели своей мечты (на заработки в Карабах, Ганджу, Нуху и т. д.) голодный, оборванный, зарабатывая лишь по пути насущный хлеб»⁶, — писал елисаветпольский губернатор.

Русский исследователь Л. К. Артамонов отмечал, что в 80-х годах через таможи в Джульфе и Худоферине по паспортам уходило в Россию до 30 тыс. человек в год, но если принять во внимание и другие таможенные заставы, а главное, тайный переход через границу, то реальная цифра будет составлять 60 тыс. отходников⁷. П. Я. Максимович-Васильковский полагал, что в Россию ежегодно приходило около 100 тыс. чернорабочих и торговцев, Л. Ф. Тигранов называет примерно ту же цифру; по его данным, из одного только Ардебильского района ежегодно отходило 30 тысяч.

По сообщению Л. С. Собоцинского, в 1911 г. различные таможенные пункты зарегистрировали 192 767 человек, ушедших в Россию, и 160 211 человек, возвратившихся в Иран⁸. Повидимому, эти данные — 100—

⁵ В. Минорский. Движение персидских рабочих на промыслы в Закавказье. «Сборник консульских донесений министерства внутренних дел». Вып. III. СПб. 1905, стр. 206.

⁶ ЦГИА ГрузССР, ф. 13, оп. 23, д. 267, л. 16.

⁷ Л. К. Артамонов. Северный Азербайджан. Тифлис. 1890, стр. 42.

⁸ П. Я. Максимович-Васильковский. Поездка в Персию. «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества». Т. XVII, № 4, 1904, стр. 240; Л. Ф. Тигранов. Из общественно-экономических отношений в Персии. Тифлис. 1905, стр. 159—161; Л. С. Собоцинский. Персия. СПб. 1913, стр. 288—289.

¹ «Журнал министерства внутренних дел», 1845, ч. X, стр. 356.

² Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА ГрузССР), ф. 11, оп. 4, д. 3104, лл. 38, 39.

³ Там же, оп. 3, д. 2727, л. 22.

⁴ Там же, ф. 13, оп. 23, д. 267, л. 3.

200 тыс. иранских отходников — не являются предельными. С. Ломницкий писал: «Сотни тысяч персидских рабочих, за неимением дела, ищут заработка в Закавказье»⁹. Прогрессивный азербайджанский писатель Дж. М. Кули-Заде отмечал, что только в Закавказье отходники из Ирана насчитываются сотнями тысяч¹⁰. По иранским источникам, ежегодное количество эмигрантов в Россию и другие страны накануне иранской революции доходило до полумиллиона человек¹¹. Начальник Бакинского таможенного округа в декабре 1906 г. указывал на громадное количество иранских подданных, проходивших через таможню в Астаре. Они предъявляли для пропуска на родину не паспорта, а лишь консульские сертификаты (документы, выданные иранскими консулами на Кавказе), но иногда проходили и без них¹². Елисаветпольский губернатор в 1910 г. писал: «Громадный процент прибывших к нам персидских рабочих проходит границу без паспортов и здесь проживает без них же и без паспортов возвращается тайком на родину»¹³. Таким образом, учесть число людей, приходивших на заработки в Россию, очень трудно. Мы полагаем, что отходничество из Северо-Западного Ирана в Россию, принявшее с 80-х годов XIX в. массовый характер, к 1905 г. достигало не менее 300 тыс. человек в год.

Выше говорилось, что основная масса отходников в Россию шла из городов и сел Иранского Азербайджана. Л. Ф. Тигранов, который сам проехал по этим районам, писал, что по мере его продвижения от русско-иранской границы на юг и отчасти на запад он наблюдал снижение процента отходников. Если в районах Вилькиджа, Ардебилля, Сераба, Гярмруда и Халхала уходило по одному рабочему от каждого крестьянского двора, то в районе Малого Миане один отходник приходился на 4—5 дворов¹⁴. П. Я. Максимович-Васильковский указывал, что крайним пунктом на западе Ирана, где они встретили одного человека, побывав-

шего на заработках в России, было селение Касре-Ширин¹⁵. Н. Бобынин сообщает: «Главная волна рабочих, идущих на заработки, направлялась из Персидского Азербайджана и из Астары, то есть из наиболее населенных провинций Персии, и все рабочие направлялись в Россию»¹⁶. Никто из исследователей не отмечает массового отходничества в Россию населения из других провинций Ирана. Попытка объяснить массовый отход ссылкой на то, что Иранский Азербайджан — это наиболее населенная провинция Ирана, несостоятельна. Основная причина массового ухода заключалась, конечно, в разорении деревни.

Тот факт, что подавляющее большинство отходников составляли жители Северо-Западного Ирана, отнюдь не означает, что социально-экономическая обстановка в северо-западных провинциях Ирана в конце XIX — начале XX в. коренным образом отличалась от обстановки во всей остальной части страны. Известно, что отход всегда выражает стремление крестьян уйти туда, где заработная плата выше. Крестьянство всюду вынуждено было прибегать к частичной продаже своей рабочей силы. Но отдаленность от Закавказья, иранское бездорожье, трудности перехода через северо-восточную границу, а главное, отсутствие в Средней Азии такого спроса на рабочую силу, какой был в Закавказье, мешали массовому развитию отходничества в Россию из северо-восточных и других областей Ирана.

В документах царских чиновников иранские отходники постоянно называются «персы», «персидские» рабочие и т. п. Конечно, царские чиновники, как и иранские власти, игнорировали подлинный национальный состав рабочих, приходивших в Россию из Ирана. Как правило, отходники из Ирана были азербайджанцами по национальности, хотя среди них имелись, конечно, и представители других народностей. Сами себя отходники из Иранского Азербайджана называли «хам шахран» (земляки). Это слово, в искаженной форме «амшара», стало нарицательным для всех иранских отходников в Россию. «Амшара» в то время звучало как «голытьба», «быдло», «не человек».

⁹ С. Ломницкий. Персия и персы. Эскизы и очерки 1898—1899, 1900. СПб. 1902, стр. 167.

¹⁰ Газета «Кавказский рабочий листок», 24 ноября 1905 года.

¹¹ Мирза Мохаммед Назем-оль-Ислам Керманли. История пробуждения иранцев. Т. 1. Тегеран. 1910, стр. 19, 154 (на персидском языке).

¹² ЦГИА ГрузССР, ф. 13, оп. 23, д. 745, л. 1.

¹³ Там же, д. 237, л. 14.

¹⁴ Л. Ф. Тигранов. Указ. соч., стр. 160—161.

¹⁵ П. Я. Максимович-Васильковский. Указ. соч., стр. 240.

¹⁶ Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901—1923 гг. Тифлис. 1923, стр. 67.

По роду занятий отходники разделялись на четыре категории: «фехле» — сельскохозяйственные рабочие, получавшие денежную плату за работу; «раншбер» — трудившиеся в поле из части урожая; «амбалы» — чернорабочие в городском хозяйстве (грузчики, носильщики, подметальщики улиц, водоносы, ассенизаторы и т. п.); «муздуры» — рабочие на заводах, фабриках и других промышленных предприятиях¹⁷.

Большое число постоянно прибывавших из Ирана безработных позволяло капиталистам, помещикам и кулакам в России держать на предельно низком уровне заработную плату и местных и пришлых рабочих. Главными районами, куда приходили отходники, были Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская и Тифлисская губернии, где труд их издавна использовался преимущественно в сельском хозяйстве, а также на неквалифицированной работе в промышленности.

Рассмотрим положение иранских отходников в различных губерниях России по отраслям применения их труда.

Около 100 тыс. отходников ежегодно приходило на заработки в Елисаветпольскую губернию¹⁸. Елисаветпольский губернатор доносил: «...в низменных волостях губерний — в местах исключительно малярийных, очистка и рытье оросительных каналов, поливка полей и лугов, виноградников, особенно риса, пропалывание хлебов, снятие хлопчатника, сноскошение и хлебоконошение, окуривание серой виноградников, производятся исключительно персиянами»¹⁹. Местные рабочие требовали более высокой оплаты, лучшего питания и хотя бы едного помещения для жилья. Они не шли на работу на тех условиях, на которые соглашались иранские отходники. Отходники же брались за работу на любых условиях. На болотистых полях они страдали от страшного зноя, жажды и отсутствия чистой питьевой воды. Их косила малярия. Питанием им служили лишь скверно пропеченный лаваш, лук и огурцы²⁰. В немецкой колонии Еленендорф, Елисаветпольской губернии, в 1909 г. работало 1200 постоянных рабочих, в большинстве своем иранских подданных. В других крупных хозяйствах

губернии всю основную работу также выполняли постоянные и сезонные рабочие из Северо-Западного Ирана. Большой спрос на их труд был не только летом, но и зимой.

Подъем иранской революции побудил царские власти установить строгий пограничный надзор, ограничить число проходных пунктов (до четырех) и ввести карантинные стеснения. В связи с этим количество отходников в 1907 г. резко сократилось²¹. Это привело к тому, что оплата сельскохозяйственных работ в Закавказье сразу же поднялась. По сообщению елисаветпольского губернатора, рабочие из Тифлисской и Кутаисской губерний — молokane, духоборы и грузины, привлеченные обещанием высокой заработной платы, нанялись работать на низинных полях, где прежде трудились исключительно иранские отходники, но из-за тяжелых климатических и бытовых условий бросили работу. В результате сокращения отходничества громадные пространства полей в губернии не были обработаны, много хлеба осталось на корню²².

Местные помещики категорически возражали против ограничения свободного притока рабочих из Ирана. Эриванский губернатор писал, что ограничение отходничества «имело бы слишком заметное влияние на повышение заработной платы местных рабочих. Прибывающие из Персии рабочие не представляют из себя элемента преступного, они очень трудолюбивы, и поэтому спрос на эти рабочие руки всегда большой»²³.

В Тифлисской губернии сезонные рабочие из Ирана работали на хлопковых полях, в огородах, проводили оросительные каналы, переносили клади, выполняли наиболее тяжелую, трудоемкую и низкооплачиваемую работу. В одном только Тифлиском уезде число сезонных отходников, по сообщению тифлисского уездного начальника, достигало в 1910 г. 2 тыс. человек, в Борчалинском уезде число чернорабочих достигало летом 4500, зимой — 2 тыс. человек²⁴.

В Бакинской губернии, особенно в Ленкоранском и Джеватском уездах, куда переход жителей из приграничных районов Ирана не ограничивался, местные кулаки постоянно использовали массы пришлых рабочих, труд которых оплачивался крайне

¹⁷ См. ЦГИА ГрузССР, ф. 13, д. 267, л. 14. Слово «фехле», несомненно, происходит от арабского «феллах» (крестьянин), «раншбер» — искаженное от персидского «ранджбер» (трудящийся), «амбал» — искаженное от арабского «хаммал» (носильщик).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 1028, л. 341. Донсепение Гартвига от 6 сентября 1907 г. № 158.

²² ЦГИА ГрузССР, ф. 13, д. 267, л. 16.

²³ Там же, л. 12.

²⁴ Там же, лл. 25—26.

низко. Бакинский губернатор заявлял, что если упразднить льготы перехода границы, то это «отразилось бы вредно на интересах местного, преимущественно русского населения, которое, засевая большие площади земли, не в состоянии своими силами управиться с уборкой хлеба, тем более, что жатва, ввиду постоянной опасности уничтожения посевов саранчой, должна производиться быстро»²⁵. Оплата труда рабочих, приходивших из Ирана, в 1904 г. составляла от 5 до 15 руб. в месяц на своих харчах. В разных губерниях и волостях она колебалась в пределах этих цифр, но всюду была ниже оплаты местных рабочих. Отходники могли позволить себе лишь крайне скудное питание. Царский чиновник писал: «В лучшем случае они живут в «кишлагах» вблизи селений во временных помещениях, а бывает и так, что, работая в поле, в саду, они ночуют под кустами, в канавах, под заборами, у изгородей вокруг садов»²⁶.

Десятки тысяч отходников издавна находили работу в Тифлисе, Батуме, Баку, Астрахани, Владикавказе, Грозном и других городах, где они, как указывалось, обычно использовались на самых грязных и тяжелых работах. Многие из них работали на строительстве Закавказской железной дороги, на устройстве мостовых, в качестве чернорабочих в шахтах и рудниках, на фабриках и пристанях. В Тифлисе число таких чернорабочих колебалось между 5—6 тыс., в 1910 г. в Тифлисе проживало, по официальным данным, 4 954 иранских чернорабочих²⁷.

В эпоху империализма происходил рост неземледельческого отхода из Ирана и все большее число отходников вливалось в ряды революционного промышленного пролетариата России. В Елисаветпольской губернии иранские рабочие (муздуры) составляли основную рабочую силу на всех медных рудниках. На Кедабекском медеплавильном заводе в 1909 г. из 1 912 постоянных рабочих 528 были иранскими подданными²⁸.

Десятки тысяч отходников работали грузчиками и крючниками на пристанях Каспийского моря и по Волге. Большой спрос на отходников был на каспийских рыбных промыслах (ватагах), где они выполняли наиболее тяжелую работу по неводной тяге. Корреспондент газеты «Сара-

товский листок» сообщал, что в Нижнем Поволжье, до Царицына включительно, судовые русские рабочие уже в 1900 г. «положительно вытеснялись персами». На пристанях Астрахани, на всех товаро-пассажирских и буксирных пароходах грузчиками работали исключительно амбалы — иранцы, русские же крючники лишились этого заработка, потому что паромщики предпочитали сдавать погрузку и выгрузку подрядчикам-«персам» по цене от 4 руб. до 4 руб. 50 коп. за 1 тыс. пудов, тогда как в городах Верхнего Поволжья, где работали русские, платили по 5 руб. — 5 руб. 50 коп. «Волгари уверяют, — говорилось в газете, — что в непродолжительном времени персы будут грузчиками на всех значительных пристанях Поволжья»²⁹.

Особенно много амбалов работало в Баку и Астрахани. «На пристанях Баку, — писал Л. С. Собоцинский, — работают тысячи персов — крючников и грузчиков»³⁰. Условия труда и жизни отходников и здесь были чрезвычайно тяжелыми. Работали иранские грузчики по 15—18 часов, нередко ночью. Некоторые из них ходили в лохмотьях, в лаптях, в рубахах из мешковины. Ночевали в сарае, который нанимали вскладчину, или же под открытым небом. Обед их обычно состоял из куска хлеба, головки лука, овечьего сыра³¹. В 1911 г. тысячи иранских крючников и грузчиков получали за свой тяжелый труд 12—15 руб. в месяц «на своих харчах», то есть значительно меньше русских грузчиков. «При дороговизне бакинской жизни ясно, что такое вознаграждение не дает возможности даже нетребовательному к жизненным условиям персидскому рабочему сэкономить что-нибудь»³². Однако даже при такой низкой оплате, за счет чрезвычайной экономии, отходники старались скопить сколько-нибудь денег, чтобы отправить на родину.

Волна отходничества из Ирана захватывала не только Закавказье, но и Нижнее Поволжье, распространялась и далее. Некоторая часть отходников из Северо-Западного Ирана в поисках заработка переезжала через Энзели, Решт, Астару и Баку в Закаспийскую область. Их вербовали в Баку

²⁹ См. Л. М. Клейнборг. История безработицы в России. 1857—1919. М. 1925, стр. 85—86.

³⁰ Л. С. Собоцинский. Указ. соч., стр. 290.

³¹ Е. Богрова. Персия и персы. М. 1903, стр. 2—3.

³² Л. С. Собоцинский. Указ. соч., стр. 290.

²⁵ Там же, л. 18.

²⁶ Там же, л. 14.

²⁷ Там же, лл. 25—26

²⁸ Там же, л. 13.

представители нефтяных фирм и направляли на соляные и нефте-озокеритовые промысла, на гипсовые ломки на о. Челекен. Однако развитие промыслов в Закаспийской области искусственно тормозилось бакинскими нефтепромышленниками, и количество всех рабочих, занятых на этих работах, в 1905 г. едва превышало 500 человек³³; большинство их являлось иранскими азербайджанцами. Вместе с рабочими местных национальностей они участвовали в строительстве Средне-Азиатской железной дороги. После окончания строительства значительная часть их работала железнодорожными рабочими и служащими. В 1907 г. в Закаспийской области на железной дороге из 5 575 человек работало 392 «перса»³⁴. Сравнительно много выходцев из Ирана было в Асхабаде и Мерве. В 1905 г. в Асхабаде проживало 5 150 иранских подданных (мужчины), а всего в области — около 15 149 человек (взрослых и детей). Беднота занималась разного рода полевой и постоянной работой. Иранские курды, например, заготавливали и вывозили дрова из ущелий Копетдага³⁵. Выходцы из Ирана работали чернорабочими в хлопково-маслобойном, мыловаренном и кирпичном производствах в Ферганской и Самаркандской областях, причем труд их оплачивался ниже труда русских и узбекских рабочих. Кочегарами работали исключительно иранские подданные³⁶.

★

В последней четверти XIX в. крупным центром нефтяной промышленности становится Баку. Одним из характерных особенностей бакинских нефтепромыслов были почти исключительно пришлый состав рабочего населения и его национальная пестрота. Уже в начале 80-х годов иранские отходники составляли основную массу тартальщиков и бурьльщиков. «Горный журнал» отмечал, что русские и армянские рабочие составляли основной контингент заводских

рабочих в Баку, а отходники из Ирана, как правило, — большинство промысловых чернорабочих³⁷.

В 1893 г. в нефтедобывающей промышленности Баку числилось 7 060 рабочих, среди которых доля выходцев из Ирана составляла 11,1%; в 1903 г. среди 23 435 рабочих она увеличилась до 22,2%³⁸. Эти цифры отражают данные только нефтедобывающих фирм. Они не учитывают большое количество рабочих-бурьльщиков, занятых у подрядчиков, а также рабочих механических мастерских. Так, в 1907 г. из 10 648 бурьльщиков 4 128 работали у подрядчиков. Среди них иранцев было 30,3% (на промыслах их было 24,6%). Из 37 394 рабочих, занятых на добыче нефти и в подсобных предприятиях, 7 418 были из Ирана. Составители «Обзора», откуда мы приводим эти данные, отмечали неполноту этих сведений³⁹. Как уже говорилось, иранские отходники работали на самой тяжелой и грязной работе — по бурению скважин и тартанию нефти, черпальщиками, ведерщиками, крючниками и разливальщиками⁴⁰. Кроме того, многие из них были заняты на тяжелом и вредном производстве — керосиновых, масляных и кислотных заводах — чернорабочими, масленщиками, кочегарами. Проработав определенный срок и скопив немного денег, они спешили на родину. Среди постоянных рабочих иранцев было немного.

Можно полагать, что перед революцией 1905 г. число отходников из Ирана на бакинских нефтепромыслах составляло более 10 тыс. человек. Так, бакинский губернатор сообщал, что в августе 1905 г. в результате забастовок на нефтяных промыслах оказалось много безработных, в том числе более 10 тыс. «персидскоподданных»⁴¹. В 1908 г. канцелярия бакинского градоначальства выдала иностранным подданным до 14 тыс. свидетельств на жительство. Кавказовед М. Н. Авдеев (П. Петрович) разъясняет, что «иностранные подданные» — это почти сплошь персидские рабочие, общее число которых по отношению ко всем мусульман-

³³ «Обзор Закаспийской области за 1905 год». Асхабад. 1907, стр. 87, 95.

³⁴ ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 369, лл. 2—4; А. В. Пясковский. Народы Туркестана в революции 1905 г. М. 1949 (кандидатская диссертация), стр. 50, 52.

³⁵ «Обзор Закаспийской области за 1905 год», стр. 65, приложение.

³⁶ В. В. Заорская и К. А. Александр. Материалы изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарья. Вып. 1. Промышленные заведения Туркестанского края. Птгр. 1915, стр. 152, 157, 159, 160, 177, 312.

³⁷ «Горный журнал», 1885, сентябрь, т. III, № 9, стр. 408.

³⁸ К. А. Пажигов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М. 1940, стр. 95, 96, 97, таблицы 18, 19.

³⁹ «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1906 год». Баку. 1907, стр. 73, 74, 76.

⁴⁰ Газета «Гудок», 22 августа 1907 года.

⁴¹ ЦГИА АзербССР, ф. 1/1, оп. 1—1, д. 1569, л. 2.

ским рабочим на нефтепромыслах превышало 50%⁴².

Рабочий день на промыслах длился 10, 12 и даже 18 часов; дней отдыха не предоставлялось. Официальные комиссии отмечали совершенно неудовлетворительные условия жизни рабочих. Грязь в рабочих поселках была неопишуемой. Рабочие ютились в тесных и душных казармах, где быстро распространялись тиф и дизентерия. Бедняки из Иранского Азербайджана в большинстве случаев не могли получить место в промысловых казармах и снимали сообща так называемые «артельные квартиры». Это были ветхие лачуги, землянки или подвалы, где большинство людей спало вповалку на полу, страдая от сырости, холода, темноты, грязи, тесноты и удручающей вони. За такие «квартиры» приходилось платить 2—3 руб. в месяц⁴³. Картина бакинского нефтепромышленного ада описана А. М. Горьким, который дважды побывал в дореволюционном Баку⁴⁴.

На промыслах, особенно на буровых работах, часто происходили аварии и несчастные случаи, но закон от 2 июля 1903 г. об ответственности предпринимателей за увечья не распространялся на иностранных рабочих.

Хозяева нефтепромыслов охотно нанимали иранских отходников как самую дешевую рабочую силу. Декабрьский договор 1904 г. устанавливал для рабочих буровых команд, чернорабочих, тартальщиков и т. п. заработную плату в 20—21 руб. в месяц. Оплата же поденных чернорабочих — иранских подданных — устанавливалась в 70 коп. в день без квартиры и в 60 коп. с предоставлением хозяйской казармы, то есть на 20 коп. в день меньше, чем получали остальные рабочие; ученики получали 40 коп.⁴⁵

Тяжелое положение иранских рабочих усугублялось широко распространенной практикой найма их через подрядчиков. Еще К. Маркс отмечал, что наем рабочих через подрядчиков означает не что иное,

как «внедрение паразитов между капиталистом и наёмным рабочим, перепродажу труда посредниками»⁴⁶. Подрядчики забирали, видимо, до 25% заработка рабочих⁴⁷.

Реальная заработная плата зависела от роста цен. По данным видного исследователя жизни бакинских рабочих, одного из руководителей бакинских большевиков, А. М. Стопани, цены на продукты питания с 1903 по 1907 г. возросли примерно на 50%, в то время как заработная плата рабочих оставалась почти на прежнем уровне. А. М. Стопани писал, что если заработок нефтепромышленного рабочего серьезно отставал от роста цен, то «о рабочих других производств, например, подрядного бурения и механического производства, и говорить не приходится: реальная заработная плата их за пятилетие должна понизиться значительно»⁴⁸. Речь идет именно о тех категориях рабочих, основную массу которых составляли иранские отходники.

Таким образом, отходники вынуждены были продавать свою рабочую силу значительно ниже стоимости, что обеспечивало Ротшильдам, Нобелям и другим нефтепромышленникам максимальные прибыли. А на иранской границе карманы отходников, возвращавшихся из России, очищали иранские чиновники. Для этой цели выставлялись отряды феррашей⁴⁹. Если отходники не отдавали денег, их избивали палками⁵⁰.

Отходничество в Россию способствовало скоплению в Иране русских денег. Если сопоставить с подсчетами Л. Ф. Тигранова, то ежегодно отходники приносили в Иран не менее 10 млн. руб.⁵¹ Они выменивали их на иранские деньги главным образом у ардебильских и тебризских менял, принося последним большие барыши и теряя немало на курсе и на обмене.

Массовый земледельческий и неземледельческий отход из Иранского Азербайджана в Россию способствовал формированию кадров молодого иранского пролетариата. Отходничество создавало подвижность на-

⁴² П. Петрович. Рабочие бакинского нефтепромышленного района. Тифлис. 1911, стр. 23.

⁴³ А. М. Стопани. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку. 1916, стр. 86.

⁴⁴ М. Горький. Собрание сочинений. Т. 17. М. 1952, стр. 113—117.

⁴⁵ «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь — март 1905 года». М. 1955, стр. 563.

⁴⁶ К. Маркс. Капитал. Т. 1. М. 1955, стр. 556.

⁴⁷ А. М. Стопани. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁸ А. М. Стопани. Зарботная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих в связи с условиями работы на промыслах. Баку. 1910, стр. 37.

⁴⁹ Ферраш — исполнитель воли официального лица, слуга.

⁵⁰ Журнал «Молла Насреддин», 1906, № 6.

⁵¹ Л. Ф. Тигранов. Указ. соч., стр. 153.

селения, «а без подвижности населения... немислимо развитие его сознательности и самостоятельности»⁵². Отходничество обнищавших, забитых и одичалых крестьян Иранского Азербайджана имело прогрессивное значение, поскольку оно вырывало их из затхлого и замкнутого быта, знакомило с железными дорогами, электричеством, с новыми техническими навыками и способствовало пробуждению политической сознательности и повышению грамотности. Приходя на заработки в Закавказье, отходники узнавали о положении рабочих и крестьян России, об их требованиях и революционной борьбе.

В противовес царской и буржуазной политике разжигания и использования национальной розни большевики Закавказья проводили большую работу по воспитанию классовой солидарности трудящихся различных национальностей. В. И. Ленин не раз приводил в пример Закавказскую организацию партии как образец пролетарского интернационализма. Несомненно, что особенно сильное влияние на иранских отходников оказывало пребывание в Баку.

Нужда заставляла отходников браться за любую работу, предлагаемую нефтепромышленниками, что очень осложняло борьбу бакинских рабочих. В связи с этим Бакинская организация РСДРП уделяла большое внимание агитационно-пропагандистской работе среди пришлых рабочих-мусульман и воспитанию пролетарского, интернационалистского отношения к «амшару» со стороны местных рабочих. Для массовой работы среди рабочих-мусульман при Бакинском комитете РСДРП была создана социал-демократическая группа «Гуммет» («Энергия»), одним из руководителей которой был большевик М. Азизбеков. В 1904—1907 гг. организация «Гуммет» вела широкую агитацию и пропаганду среди рабочих-мусульман всего Закавказья. Благодаря этому удалось привлечь к участию в революционном движении, забастовках и массовых политических демонстрациях бакинских рабочих накануне русской революции 1905 г. и определенную часть отходников из Ирана.

Большое значение для роста политического сознания иранских отходников имели июльская стачка 1903 г. и грандиозная экономическая забастовка бакинских рабочих 13—31 декабря 1904 года. Она была проведена под руководством Бакинского

комитета РСДРП и закончилась заключением первого в истории России коллективного договора рабочих с нефтепромышленниками. В 1909 г., в пятую годовщину декабрьской забастовки, Бакинский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой говорилось об иранских рабочих:

«Из «амшары» и «выючного животного» мы сразу превратились в людей, борющихся за лучшую жизнь!

Вот что нам дали декабрьская забастовка и декабрьский договор!»⁵³.

За год до начала Иранской революции 1905—1911 гг. иранскими рабочими в Баку было положено начало созданию иранской социал-демократической организации «Эджтемайоне Аммиюн» («Социал-демократы») ⁵⁴.

Однако работа по организации и вовлечению промысловых рабочих-отходников в забастовочное движение была чрезвычайно трудна. Временное пребывание отходников в Баку, их связь с деревней и семьями, оставшими на родине, их стремление скопить гроши на заработках в России и расплатиться с землевладельцами или завести лавочку определяли слабую степень их сознательности. Этим объясняется, что иранские рабочие, участвуя в забастовочном движении в Баку в 1905—1907 гг., охотно и решительно выдвигали только одно требование — выдачу «бешкешей», или «пишкешей» (наградных денег, размер которых колебался от 4,1% до 50% годового оклада) ⁵⁵. Выдача наградных целиком зависела от усмотрения предпринимателей, и бакинские нефтепромышленники широко практиковали эти мелкие подачки, чтобы отвлечь рабочих от политической борьбы и расколоть рабочее движение. На некоторых промыслах «персы» — тарталышники и буровые рабочие — выдвигали перед хозяевами даже такие отсталые требования, как «право указать заместителя на свое место». Пользуясь темнотой и отсталостью иранских отходников, администрация старалась посягнуть на вражду между промысловыми рабочими и мастеровыми, использовать рабочих-отходников в качестве штрейкбрехеров, разжечь национальную рознь ⁵⁶. При поступлении на работу иранских отходников застав-

⁵³ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 170.

⁵⁴ А. Кесреви. История конституционного движения Ирана. Ч. 2. Изд. 3-е. Тегеран. 1951, стр. 391 (на персидском языке).

⁵⁵ В. И. Фролов. Забастовки бакинских нефтепромышленных рабочих в 1907 г. Баку. 1908, стр. 28.

⁵⁶ Там же, стр. 88.

⁵² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 272.

ляли клясться на коране, что они не будут вступать в члены профсоюза и бастовать. Бакинские городские власти поощряли такие варварские религиозные обряды, как «шахсей-вахсей». На бастующих рабочих натравливали банды вооруженных «кочи» (головорезов). На них старались распространить свое влияние различные националистические партии, меньшевики-шендрикковцы и т. д. Однако Бакинская организация большевиков через «Гуммет», Бакинский союз нефтепромышленных рабочих, партийную печать и другие легальные организации упорно и кропотливо воспитывала и сплачивала иранских рабочих с рабочими других национальностей, вовлекала их в единый профессиональный союз для общей борьбы с капиталистами.

Большевики вели систематическую борьбу с разрозненными «бешкешными» забастовками. В 1906 г. была выпущена прокламация, которая осуждала требование наградных, указывая на его «непролетарский» характер⁵⁷. Одновременно бакинские большевики вели борьбу за чуткое отношение к нуждам отходников со стороны местных рабочих. Закавказские большевистские газеты «Бакинский рабочий», «Бакинский пролетариат», «Гудок», «Промысловый вестник», «Кавказский рабочий листок» и другие постоянно помещали статьи, посвященные агитационно-пропагандистской работе среди промысловых мусульманских рабочих. Так, газета «Бакинский рабочий» писала: «...не выселением отсюда надо бороться против наплыва и конкуренции персидских рабочих. Полицейскими рогатками не удержать голодного от перехода границы в поисках за куском хлеба. Да это и невозможно, так как буржуазия никогда не допустит искусственного сокращения столь выгодной для нее запасной армии безработных. Упорная кропотливая работа по организации и сплочению персидских рабочих вместе с рабочими других национальностей в единый профессиональный союз для общей борьбы за общие цели здесь на месте — вот средство, единственно допустимое для каждого сознательного рабочего»⁵⁸.

В проекте общих требований совету съезда нефтепромышленников, выработанном на общем собрании заводских и промысловых комиссий 8 июля 1907 г., наряду с другими демократическими требова-

ниями были: повышение заработной платы чернорабочим на промыслах на 40%, поденной оплаты временным рабочим-нефтяникам до суммы не менее 1 р. 50 к., 8-часовой рабочий день⁵⁹.

Забастовками и массовыми стачками рабочие добивались уступок от капиталистов. Стачки являлись для отходников образцом мужества, стойкости и солидарности рабочего класса. К 1907 г., времени подъема революционного движения в Иране, значительная часть отходников уже стала требовать 8-часового рабочего дня, достойного обращения, удаления наиболее ненавистных мастеров и представителей администрации, признания профсоюзной организации, расширения прав рабочей комиссии, приема на работу уволенных товарищей. Хотя на некоторых предприятиях продолжались еще «бешкешные» забастовки, в них наряду с требованиями наградных выдвигались уже требования повышения заработной платы, прекращения найма через подрядчиков и т. д. Отходники из Ирана участвовали в забастовках на Кедобекском металлургическом заводе и других предприятиях.

Под непосредственным влиянием революционной борьбы в России росла политическая сознательность крестьян, ремесленников и рабочих, приходивших на заработки.менялась их роль в бакинском рабочем движении, росла степень участия в забастовочном движении в других местах, менялся характер их требований. Особенно усилилось революционизирующее воздействие русского рабочего класса на иранских отходников в связи с начавшейся революцией 1905 года. Сотни тысяч чернорабочих из Северо-Западного Ирана, свидетели и отчасти участники событий 1905 г. в России, явились вестниками революции у себя на родине.

В конце 1905 г. царские власти предприняли принудительное выселение из Закавказья безработных иранских отходников. Опасаясь революционного взрыва, царизм прибегнул к различным провокациям, к разжиганию армяно-«тюркской» розни, к закрытию промыслов, к принудительному выселению иранских безработных из Баку. По указанию царских властей им был даже разрешен бесплатный проезд по желез-

⁵⁷ Там же, стр. 25.

⁵⁸ «Бакинский рабочий», 6 сентября 1908 года.

⁵⁹ В. И. Фролов. Очерк забастовочного движения рабочих бакинского нефтепромышленного района за 1903—1906 гг. Баку. 1907, стр. 73—74. Приложение.

ной дороге и на пароходах до Ирана⁶⁰. Некоторые из отходников явились жертвами уличных кровопролитий, разжигаемых националистами. Большевики обратились тогда к уезжавшим отходникам со словами приветия и братской солидарности. Дж. М. Кули-Заде писал в большевистской газете «Кавказский рабочий листок»: «...уезжая, вы, бедные силы Ирана, должны помнить следующее:

Во-первых, вы уезжаете от нас спокойно, не унося с собой никакого чувства злобы, вражды. Вы должны помнить, что никто у нас, считая вас гостями, не питал к вам злобы и ни на волос не думал вас обижать... Не забудьте вот еще чего, бедные персидские рабочие. Когда вы придете на родину, то соберите вокруг себя оборванный, голодный и угнетенный, как и вы сами, рабочий люд и объявите такую добрую весть: расскажите ему, что у нас по всей России поднялся на ноги весь рабочий народ и, сплотившись в грандиозную силу, свергнул с себя тот гнет, под которым он по сие время стонал. Передайте там вашим землякам рабочим, что их российские товарищи шлют им привет. Если там они захотят следовать по стопам здешних своих товарищей, если захотят высвободиться из-под ярма, которое накладывают на них персидские деспоты, ханы, хозяева, муллы, предприниматели, принцы и др., если захотят завоевать свои человеческие права и вздохнуть свободно, то тогда их российские товарищи преподнесут им в знак памяти свое знамя со священным лозунгом, изображенным на этом знамени. Пусть оскорбленный, обездоленный персидский рабочий народ прочтет этот лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И пусть прочтут и соединятся»⁶¹.

Возвращение громадной массы отходни-

ков оказало серьезное влияние на развитие революционного движения в Иране. Царский чиновник писал из Иранского Азербайджана в октябре 1905 г.: «Беспорядки и волнения на Кавказе дали страшный прилив переселенцев-татар, внесших с собой элементы брожения в здешнюю инертную пока массу»⁶².

Сохранившиеся крайне скудные биографические данные о наиболее выдающихся деятелях Иранской революции говорят, что они вышли из народа. Так, сыном карадагского земледельца был народный герой Саттар-хан, известный руководитель Тебризского восстания 1908—1909 гг. и национально-освободительного движения в Иранском Азербайджане. Он не был рабочим в Закавказье, как это приписывало ему санкт-петербургское телеграфное агентство, но был близок к людям, уходившим на отхожие промыслы. Его близкий соратник, а в будущем один из основателей Коммунистической партии Ирана, Хайдар-хан Аму-оглы, некоторое время работал электротехником в Тифлисе⁶³. Простым рабочим в Баку работал известный руководитель фидаев Ибрагим-паша (титул «паша» был дан ему народом за храбрость и боевые способности)⁶⁴. Другой революционер, Гаффар Хасан-заде, житель селения Зунуз, также работал до революции в Баку и принимал участие в работе революционных комитетов.

Массовое отходничество из северо-западных провинций Ирана и эмиграция иранской прогрессивной интеллигенции в Россию способствовали созданию непосредственной политической связи между русской революцией 1905—1907 и Иранской революцией 1905—1911 годов.

⁶² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 600, оп. 2, д. 251, л. 5 об.

⁶³ Газета «Шеджаэт» («Мужество»), специальный выпуск, 5 августа 1953 г. (на персидском языке).

⁶⁴ Газета «Вестник Баку», 17 декабря 1908 года.

⁶⁰ ЦГИА АзербССР, ф. 1/1, оп. 1—1, д. 1569, л. 2; ф. 6/С, оп. 1, д. 51, л. 15.

⁶¹ «Кавказский рабочий листок», 9(22) декабря 1905 года.